

ошибка во всех или только в одном элементе ответа ведет к его зачету как неправильного. Поэтому, несмотря на рекомендации самого широкого применения данной формы, действительно существенно упрощающей процесс контроля, представляется, что более целесообразно использовать эту форму для текущего контроля. Для итогового контроля тестирование представляется излишне формализованным, не позволяющим всесторонне оценить знания студента и потому не способным полностью заменить собой традиционную для экзамена или зачета форму устного собеседования.

И, наконец, пятая проблема. Очень важно не перегрузить создаваемый комплекс излишней информацией. И вовремя остановиться. При этом необходимо отдавать себе отчет в том, что сам процесс работы над созданием и совершенствованием именно сетевого учебно-методического комплекса практически бесконечен. И это предоставляет редкую возможность действительно учиться на собственных ошибках, исправляя их.

Примечания

1. Например, Толстобров А. Р. Некоторые результаты работ, проводимых в 2003 г. в ВГУ по адаптации программного обеспечения Российского портала ОО, в части его применения в классическом университете / А. Р. Толстобров. – Режим доступа : // <http://irkutsk.openet.ru/University.nsf/Index.htm!Open&Menu=VUMain-InfAnalitmaterials-5-1>; Рожина Л. В. Современные педагогические технологии / Л. В. Рожина, А. Л. Карпукова, А. В. Сладкова. Иркутск : Иркут. ун-т, 2006. С. 32–37, 54–64 и др.

2. Отечественная история: программа курса для студентов неисторических специальностей / сост. В. М. Андреев, В. З. Аршинский, Н. Ф. Васильева и др. Иркутск: Иркут. ун-т, 2006.

МЯСНИКОВ Д. А.

ПОСЛЕДНИЕ НАРОДОВОЛЬЦЫ НЕРЧИНСКОЙ КАТОРГИ В 1890–1895 ГГ.

Тема политической каторги и ссылки в Сибири XIX–XX вв. разработана в отечественной историографии довольно подробно. Основательно изучена ссылка декабристов, изучаются отдельные аспекты данной тематики – польская ссылка, исто-

рия Карийской каторги, массовая каторга и ссылка 1906–1917 гг. и т. д. Однако историки, занимающиеся этим направлением, до сих пор уделяли мало внимания истории политической каторги и ссылки в Забайкалье последнего десятилетия XIX в. Практически все исследования ограничиваются 1890 г. [1].

Настоящая работа призвана частично восполнить этот пробел – назвать имена политических заключенных, кратко охарактеризовать режим содержания в этот период и т. д.

Все политические заключенные Нерчинской каторги данного периода были сосредоточены в Акатуйской каторжной тюрьме. Первыми государственными преступниками в ней стали 13 человек, переведенных 25 сентября 1890 г. из Кары. Все они были осуждены в 1880-х гг. за участие в народовольческом движении. К моменту перевода в Акатуйскую тюрьму они уже длительное время находились в заключении, и значительная часть сроков их наказания истекла. К 1 января 1891 г. в тюрьме было 12 человек (кроме умершего к тому времени Николая Санковского). 10 января 1891 г. Николай Дзвонкевич был переведен в Кадаинскую тюрьму, Павел Иванов в Алгачинскую, а Осип Нагорный – в Зерентуйскую. До конца года в вольную команду вошли еще несколько человек из этой группы – Генрих Дулемба, Никита Левченко, Моисей Диковский, Афанасий Спандони-Басманджи, Аарон Зунделевич и Владимир Чуйко. 24 ноября в Акатуй из Карийской тюрьмы был переведен Григорий Фомичев. Таким образом, к 1 января 1892 г. в Акатуе осталось 4 государственных преступника – Иван Тищенко-Березнюк, Мечеслав Маньковский, Петр Якубович и Григорий Фомичев [2].

В 1892 г. в Акатуй прибыли Лев Владимирович Фрейфельд и Михаил Васильевич Стояновский, осужденные за принадлежность к народовольческому кружку. В конце этого же года на каторгу прибыла значительная партия заключенных, участников Якутского протеста. Они были осуждены за вооруженное сопротивление властям на различные сроки каторжных работ и переведены из Вилюйской тюрьмы Якутской области, где отбыли часть срока [3]. Среди них были: Шендер Гуревич, М. Р. Гоц, О. С. Минор, Михаил Петрович Орлов, Матвей Иси-

дорович Фундаминский, Моисей Васильевич Брамсон, Марк Абрамович Брагинский, Мендель Аронович Уфлянд, Иосиф Борисович Эстрович, Михаил Борисович Эстрович, Константин Моисеевич Терешкович и Леон Лазаревич Берман. Эта группа заключенных вышла на поселение в 1894–1895 гг.

3 января 1893 г. прибыли осужденные за покушение на казанского губернатора Полторацкого государственные преступники Николай Иванович Кочурихин и Александр Иванович Архангельский. А 13 марта 1895 г. – Виктор Александрович Вейншток, осужденный за революционную пропаганду среди солдат. Данные заключенные стали последними русскими революционерами народовольческого толка на Нерчинской каторге в XIX веке.

Положение политзаключенных в Акатуйской тюрьме существенно отличалось от Карийской. Здесь они были подчинены общеуголовному режиму. Теперь им, как и уголовным, регулярно брили головы, постоянно обыскивали, сняли с них вольную одежду и надели арестантскую. Они должны были вместе с уголовными не только жить в одних камерах, но и совместно работать и питаться из одного котла. Последнее условие очень сильно подрывало материальное положение политических – уголовных было значительно больше и, в результате, сами политические получали из общего котла меньше, чем вкладывали. Деньги, которыми располагали политические, пришлось делить с уголовными [6].

Работали политические в руднике, в основном занимались добычей, откаткой руды и пустой породы. Каторжный режим предусматривал для работающих ссыльнокаторжных «уроки», то есть устанавливался объем, обязательный для выполнения. Несмотря на то, что труд был очень тяжелым, политические работали с охотой, объясняя это тем, что работа для них была отдыхом от той атмосферы, которую создали в тюрьме уголовники. Первое время уголовная верхушка попыталась подчинить себе политических и распространить на них свои порядки. Доходило даже до того, что на жизнь политических покушались. Известен случай покушения на Петра Филипповича Якубовича [7]. Политическим долго пришлось налаживать отноше-

ния с уголовными, они прилагали огромные усилия, чтобы выработать формы общения, которые бы устраивали обе стороны.

Однако нельзя сказать, что планы правительства по уравниванию государственных и уголовных заключенных были реализованы полностью. Этого невозможно было сделать в силу огромной разницы в социальном статусе, образовательном уровне, степени общего развития, мотивах преступлений и т. д. Уголовные сами не приняли бы политических преступников в свою среду, так как видели в них представителей высшего сословия, которых толкали на преступления непонятные им идеи. С другой стороны, и государственные преступники всеми силами старались не смешиваться с уголовной средой.

Спаянные корпоративностью, государственные преступники, переведенные из Карийской тюрьмы, обладали огромным опытом в отстаивании своих прав и в получении не предусмотренных законом льгот. Тюремная администрация предпочитала уступить их требованиям, чем идти на открытый конфликт, чреватый негативной репутацией в обществе. Первый начальник тюрьмы – Иван Михайлович Архангельский, старался ввести предписанный режим, но и он был вынужден уступить. Своими главными ошибками сам он считал обращение к заключенным на «вы» и допущение дополнительного довольствия [8]. Это позволило государственным преступникам увидеть возможность дальнейших уступок, которые они и получали от последующих, менее принципиальных, чем И. М. Архангельский, руководителей тюрьмы.

Английский путешественник Гарри де Виндт, посетивший Акатуйскую тюрьму летом 1894 г., оставил любопытные свидетельства. В частности, он пишет, что камеры содержались в полной чистоте. Стены и полы некоторых камер были украшены сосновыми ветками и пучками полевых цветов, аромат которых смешивался с запахом махорки и распространялся по всей тюрьме. Почти в каждой камере имелись книжные полки – собственность политических заключенных. Постельные принадлежности арестантов были скатаны и аккуратно прибраны. Спальные места политических заключенных выделялись сложенными возле них книгами, туалетными и письменными принадлежностями [9].

Хотя на ночь все заключенные размещались в общих камерах, в дневное время для государственных преступников было выделено отдельное помещение для письменных занятий и чтения. Там же раз в неделю происходили свидания с друзьями и родственниками, которые проживали в соседнем селе.

На вопрос автора об условиях содержания политический заключенный М. Р. Гоц ответил: «Нет, мы не можем жаловаться на фактическую жестокость, но это – ужасное место. Иногда мне казалось, что я теряю рассудок, но, слава Богу, я пережил это. Карийская тюрьма была достаточно плоха, но там, во всяком случае, была возможность для уединения. Здесь, если ты не лежишь в больнице, то находишься с самыми мерзкими и деградирующими преступниками, и ночи, – добавлял он с дрожью, – являются иногда слишком ужасными для описания» [10]. Как видим, государственный преступник жаловался не на тяжесть режима или отношение администрации, а на психологическую атмосферу, вызванную вынужденным совместным проживанием с уголовными заключенными.

В заключение, английский путешественник сделал вывод, что с политическими заключенными в Акатуе обращаются гуманно, и что их жизнь была терпимой настолько, насколько позволяли обстоятельства. Однако стремление правительства к совместному содержанию уголовных и государственных заключенных казалось ему «не только жестоким, но и ненужным». Такое отношение было прямо противоположно гуманному отношению к заключенным, которое, по его словам, он увидел в Сибири. Хотя фраза о гуманном отношении к заключенным в Сибири в целом может быть оспорена, в отношении политических заключенных вывод Г. де Виндта вполне справедлив.

Данные политические заключенные стали последними народолюбцами на Нерчинской каторге в XIX веке. В первые годы XX века в Акатуйскую тюрьму стали прибывать представители новой волны революционного движения в России – социалисты.

Примечания

1. Например: Гернет М. Н. История царской тюрьмы. Т. 3. (1870–1900). М. : Госюриздат, 1961. С. 290–329; Мошкина З. В. Нерчинская поли-

тическая каторга. Вторая половина XIX века. Чита: Изд-во ЗабГПУ им. Н. Г. Чернышевского, 1998. 112 с.; Она же. Положение политзаключенных и условия их содержания на Нерчинской каторге во второй половине XIX века // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.) : сб. науч. ст. Вып. 11. Иркутск, 1989. С. 19–30.

2. Государственный архив Читинской области (ГАЧО), ф. 1п., оп. 1, ед. хр. 898, л. 28–284;

3. См: Якутская трагедия 22 марта (3 апреля) 1889 г. : сб. воспоминаний и материалов. М. : Изд-во ВОПиС, 1925. 224 с.

6. Мошкина З. В. Нерчинская политическая каторга. С. 30.

7. Фрейфельд П. В. В горах Акатуя / П. В. Френдель. М. : Изд-во ВОПиС, 1930. С. 25–30.

8. ГАЧО, ф. 28, оп. 1, ед. хр. 16, л. 161; ед. хр. 23, л. 259–260, 338.

9. De Windt G. The new Siberya. London, 1896. P. 263.

10. Ibid. P. 267.

НОВИКОВА Н. В.

ЭКСКУРСИОННО-ТУРИСТСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВОСТОЧНО-СИБИРСКОГО СОВЕТА ОБЩЕСТВА ПРОЛЕТАРСКОГО ТУРИЗМА И ЭКСКУРСИЙ В 30-Е ГОДЫ XX ВЕКА

Экскурсионно-туристской деятельности Советская власть с первых месяцев своего существования уделяла пристальное внимание, понимая, что туризм – это не только средство отдыха, но и серьезная политика глобального уровня. Советский туризм составлял важную часть культурной работы с населением. В то же время туризм в Советском Союзе являлся глубоко политическим явлением – новой формой классовой борьбы и социалистического строительства. До 30-х годов в РСФСР не существовало четкого деления между туризмом, экскурсиями и краеведением. Для пролетарского туризма важна была не форма, а содержание. К началу 30-х годов в РСФСР существовало Общество пролетарского туризма РСФСР (ОПТ) и экскурсионное государственное акционерное общество «Советский турист». ОПТ занимался в основном организацией самодеятельных походов, а Совтур ориентировался на состоятельные слои населения, которым предлагались заранее определенные маршруты общеоб-